

О НАУЧНОЙ СТРОГОСТИ И «ВОЗМОЖНОСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ»

Хализев В. Е., Холиков А. А., Никандрова О. В. Русское академическое литературоведение. История и методология (1900–1960-е годы). — М.; СПб.: Нестор-История, 2015. — 176 с.

Появление этой книги — несомненно, одно из тех событий в текущей гуманитарно-научной жизни, которые невозможно обойти вниманием.

Рецензируемое издание представляется его авторами как труд, отвечающий назревшей «потребности в современной, освобожденной от идеологического налета истории русского академического литературоведения 20 века...» (4)¹. Книга, заявленная авторами в качестве учебного пособия, охватывает полувековой временной отрезок — от предреволюционных лет до конца 60-х годов, совпавших с зарождением и становлением отечественного структурализма. В фокусе внимания В. Хализева и соавторов находятся следующие явления: научная школа (и вырастающая из нее традиция) А. Н. Веселовского, теория формального метода, «догматическое» марксистско-ленинское литературоведение советских лет, ранний этап формирования структурно-семиотической методологии и, наконец, феномен «внеаправленческого» (В. Хализев) исследования словесности, свободного от «кастовых» интересов и представляющего собою, по глубокому убеждению создателей рецензируемого пособия, наиболее перспективную ветвь русской академической науки о литературе.

Основной акцент сделан на тех гранях рассматриваемого материала, которые были недостаточно освещены (или вовсе не освещены) в уже существующих работах по данной проблематике². Это, в частности, вопрос о единичном и индивидуально-личностном в наследии А. Веселовского, вопрос о «плодотворных крайностях» русского формализма, гегельянско-марксистская составляющая ранних трудов Ю. Лотмана и, в особенности, внутрицеховая эмпирика научных будней марксистско-ленинского литературоведения.

В самом начале решительно оспаривается распространенный (восходящий к формалистам) взгляд на литературоведческое наследие XIX в. как на «донаучное» по своему характеру знание. В то же время признается тот факт, что до известного момента в центре внимания исследователей преимущественно находились генезис и культурно-исторический контекст творчества, а не само литературно-художественное творение как неповторимый феномен искусства («...в 19 столетии преобладал взгляд как бы *сквозь* произведения...» (10)). С этой точки зрения филологической науке XX столетия, убеждены авторы книги, принадлежат несомненные достижения, хотя определенные предпосылки для такого рода переориентации можно обнаружить задолго до методологической «ре-

¹ Все цитаты приводятся по рецензируемому изданию, с указанием страницы в скобках.

² Их перечень приводится в самом начале авторского предисловия к изданию.

волюции», осуществленной формалистами, в трудах Ф. Буслаева, А. Потебни, А. Веселовского и других выдающихся филологов предшествующего столетия. Попутно высвечивается один из основных, базовых (для создателей пособия) методологических приоритетов: центральным звеном и главным объектом литературоведческого исследования они считают художественное произведение, а главной задачей и «едва ли не важнейшим... научным методом» — «интерпретирующую аналитику» (18).

Определяющую роль в избранной В. Хализевым и соавторами концептуальной стратегии рассмотрения материала играет тезис о наличии у всех «направленческих» линий литературоведения (формализм, марксизм, структурализм) своеобразного *комплекса собственной исключительности*, обусловившего враждебно-непримиримые отношения между этими академическими школами³. В противовес культивируемой «направленцами» непродуктивной установке на взаимное отчуждение и «партийную» борьбу («...воспринимали литературу и науку о ней... в качестве арены нескончаемых конфронтаций» (142)) авторы пособия исполнены решимости, во-первых, сосредоточиться на моментах схождения, близости, родства между разными школами, а во-вторых — следовать «сопрягающему» подходу в рассмотрении научных явлений: «методологическая установка, лежащая в основе курса, может быть названа координирующей, скорее сопрягающей, нежели альтернативной» (6).

Одной из болевых точек в изучении художественной словесности В. Хализев, А. Холиков и О. Никандрова считают крайнюю затруднительность соединения-примирения строго-рационального, «констатирующего» (в частности, статистического) и интуитивного, «понимающего», сотворческого подходов к литературному тексту (13–16). Следуя заявленной изначально интегративно-консолидирующей, «сопрягающей» установке, авторы книги видят решение данной проблемы во взаимодействии и сотрудничестве названных подходов, утверждают «сущностную согласуемость непосредственного чувства... и... логически упорядоченного мышления», постулируют «взаимодополняющий характер интуиции и рациональности в деятельности литературоведа» (14).

Нельзя не поприветствовать явственно ощущаемую в книге приверженность соавторов традиционному-духовному, аксиоцентричному и человекообразному пониманию целей и содержания литературоведческого исследования. Даже в эстетической сфере, убеждены создатели пособия, важно «не только... проявление художественного вкуса, но также явленность “дальнозорких инстинктов” (А. А. Ухтомский), которые связаны со строем человеческой души, ценностными ориентациями и широкой нравственной сферой» (15). Сочувственно цитируется замечательное суждение С. Аверинцева о том, что строгость филологии «состоит не в искусственной точности математизированного мыслительного аппарата, но в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания» (152). В этой связи невозможно не согласиться и с утверждением, что «...у математических

³ Исключением является довольно почтительное отношение структуралистов к наследию формальной школы, но здесь необходимо учитывать хронологическую удаленность двух названных направлений друг от друга.

методов нет подхода к неповторимо единичным текстам, несущим уникальный смысл» (25). Данное суждение, могущее показаться кому-то чересчур категоричным, корректируется в книге многочисленными оговорками о том, что описательно-констатирующие и статистические методы анализа незаменимы и чрезвычайно ценны на своем месте — в качестве, так сказать, предварительной «экспертизы» текста, а также в контексте масштабных историко-литературных обобщений поэтико-стилистического и сюжетно-тематического характера.

Принципиально важным представляется и то, что недостаточное внимание формализма и структурализма к бытийно-ценностному аспекту культуры (а заодно — к духовно-сакральной, нравственно-философской и миросозерцательной составляющим творчества) осмысливается авторами пособия как существенный методологический пробел, в значительной мере ограничивающий познавательные возможности гуманитарной науки позитивистской ориентации.

К безусловным достоинствам рецензируемого издания следует отнести насыщенность его ценным и многообразным документальным материалом, в том числе из личного архива В. Е. Хализева — живого свидетеля и активного участника научной жизни 50-х — 60-х годов. Особенно богата в этом отношении глава о марксистско-ленинском литературоведении, что помогает гораздо полнее представить и лучше понять общественно-психологическую атмосферу, в которой вызревала «догматическая» методология советской эпохи.

Отрадно, что в книге не только акцентируется внимание на «плодотворной односторонности» (Л. Гинзбург) ученых-«направленцев», позволявшей — через своего рода жертву всеохватностью и беспристрастностью анализа — предельно заострить взгляд на сильных сторонах и подлинно ценных открытиях новейшей методологии⁴, но и рассматриваются (и приветствуются) моменты плодотворного выхода крупнейших литературоведов истекшего столетия за ортодоксальные рамки «единоспасающего» метода (интерес к единичному и индивидуальному у А. Веселовского, историзм Ю. Тынянова и Ю. Лотмана, проявления сосредоточенности на поэтико-стилистических фактах у марксиста В. Переверзева, пробуждение интереса отдельных структуралистов к ценностной сфере бытия и т. п.).

Завершающей книгу, но центральной в концептуальном отношении является глава, посвященная «вненаправленческому» литературоведению, сумевшему, как убеждены авторы пособия, в лице своих представителей (А. Скафтымова, Д. Максимова, Д. Лихачева, С. Аверинцева, А. Михайлова, С. Бочарова, Ю. Манна и др.) сохранить внутреннюю свободу, отзывчивую чуткость к чужим исканиям, пафос служения «великому делу взаимопонимания ученых» (156), «открытость всему и вся в составе истории человечества и его культуры» (151) и верность традиционным духовно-нравственным ориентирам. Вся их деятельность (не совсем чуждая в ряде случаев и некоторым направленческим соблазнам и модернистских уклонов, как у напряженно эволюционировавших В. Жирмунского, М. Бахтина, Л. Гинзбург) показана как живое воплощение фундаментальной идеи С. Франка о «принципе творческой инициативы», который только тог-

⁴ По словам Л. Гинзбург, формалист Эйхенбаум «хотел беречь свою слепоту, пока она охраняла поиски специфического в литературе» (134).

да становится по-настоящему плодотворным, когда «созревает спокойно в лоне давних традиций» и «напоен их силами» (142).

Вместе с тем следует признать, что исходная установка соавторов на сближение-объединение всех «непримиримо-ортодоксальных» методологий в рамках оппозиции «направленческое – вненаправленческое» приводит в ряде случаев к нежелательным спрямлениям. В качестве «общего знаменателя» всех направленных школ называются преимущественно негативные тенденции их научного поиска (абсолютизация собственного исследовательского инструментария, утопичность, «редукционизм», комплекс непогрешимости, нетерпимость к оппонентам, недооценка предшественников и т. д.). Между тем провозглашенный в самом начале книги принцип взаимодополняющего «сопряжения» разнонаправленных устремлений (б) предполагает не только поиск общих (сходных между собою) перегибов и крайностей, но и поиск моментов положительного, плодотворного единства. К тому же (и это еще более важно) последовательное сопоставление названных школ не в их погрешностях, а в их исторических достижениях, возможно, позволило бы острее увидеть несоизмеримость как научных масштабов, так и позитивной культурной значимости таких явлений, как, с одной стороны, формализм и структурализм и, с другой стороны, так называемое марксистско-ленинское литературоведение. Последнее, с его подчеркнутым вниманием к затекстовым, внеэстетическим факторам, не только очень мало добавляло принципиально нового и существенно-ценного к тому, что уже было сделано представителями прежних «генетических» школ (биографической, культурно-исторической и др.)⁵, но, ограничивая поле зрения преимущественно социально-политическими (и тесно связанными с ними) факторами, знаменовало собою своего рода попятное движение, «шаг назад» по сравнению с дореволюционной наукой о литературе, а главное, будучи официозной, тоталитарно-идеологической институцией и неотъемлемой частью репрессивного государственного аппарата, являлось в сущности зловещей карикатурой на подлинную научную методологию. Особенно уязвимой выглядит стратегия равнодостоинного соположения советской литературоведческой доктрины и общепризнанных методологий XX в. с учетом того, что она по сути являла собою редуцированную, ленинско-сталинскую версию исторического материализма Маркса (на это резонно обращают внимание и авторы пособия: «Марксизм-ленинизм в его сталинской редакции являл собой версию марксизма, решительно его искажающую» (93)). Весомые научные достижения отдельных представителей официальной советской науки (В. Переверзева, Г. Поспелова и др.), многочисленные примеры проявленного ими мужества, порядочности, высочайшего профессионализма не могут в данном случае служить контраргументом, поскольку все это осуществлялось не благодаря сложившимся идеологическим условиям, а вопреки им («вопреки всему и вся» (107)), что, собственно, неоднократно оговарива-

⁵ Это признают и авторы книги: «Раса, среда, момент – как три главных фактора, влияющих на создание произведения, – мало отличны от понятий классовости и народности как двух центральных идеологических конструктов марксистского официозного литературоведения. Кроме того, оба подхода, не отвергая изучение поэтики, позволяют игнорировать разговор о ней» (116).

ют в книге В. Хализев, А. Холиков и О. Никандрова. А что касается нетерпимости к оппонентам, присущей всем «направленцам», то, конечно же, есть колоссальная (и несомненно очевидная для авторов книги, хотя и не эксплицируемая ими) качественная разница между, с одной стороны, известной заносчивостью ОПОЯЗовцев или пресловутым «снобизмом» структуралистов и, с другой стороны, воинственной «бдительностью» вождей коммунистического официоза, червотой (в пределе своем) физическим уничтожением инакомыслящих.

Впрочем, отдельные дискуссионные моменты рецензируемой книги никоим образом не умаляют общего впечатления безусловной научной и творческой удачи ее создателей. И, конечно же, по-особенному знаменательным, глубоко символичным представляется факт сотрудничества в работе над рецензируемым трудом двух поколений ученых, представляющих научную школу Московского университета: старейшего профессора кафедры теории литературы и его непосредственных учеников, продолжающих эстафету отечественного «вненаправленческого» литературоведения XX в.

О. Н. Скляр
(ПСТГУ, Москва; osklyarov@mail.ru)